

Елена Кожемяченко
БГПУ, Минск, Беларусь

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МОРФЕМ В ПОЭЗИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Каждое поэтическое произведение – это продукт индивидуально-авторского мышления, который возникает как психологическая реакция на окружающий мир, как выражение внутреннего состояния и мироощущения поэта. Поэтому в языке поэзии преобладает субъективное, эмоциональное начало, которое сочетается с оценочностью и позицией авторского я. Таковы эстетические особенности поэзии – ее образность, символичность, аффективность, ассоциативность, смысловая многоплановость и так далее.

В поэзии Марины Цветаевой коннотация лежит у истоков того, что читается и понимается между строк. Это характерное свойство человеческого мышления и речи находит свое выражение в смысловой многоплановости, эмоциональной образности и экспрессивной напряженности цветаевской поэзии. Многообразие и неизменная сложность поэтического языка Марины Цветаевой способствуют множеству глубоких интерпретаций содержательной структуры и вместе с тем позволяют говорить о противоречиях в ее поэтическом творчестве. «Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они живые глаза для тайны и через слюду обыденного смысла просвечивается второй смысл» [Марджиев 1970 : 269].

В центре исследования находится морфемный уровень как одна из возможных доминант поэтического текста. Интерес к данному уровню закономерен, так как любая морфема может функционировать как самостоятельный элемент. Морфема может являться базой текстового словообразования. Коннотатирующая морфема как структурно-речевая единица не во всех случаях совпадает с актуальной морфемой как структурной единицей языка. Говорящий, оперируя словами в речи, отталкивается от коннотации слова, а не от его словообразовательных потенций. В процессе анализа поэтических текстов можно выделить коннотатирующие аффиксы, которые наиболее активно участвуют в создании смысловой структуры текста, выступая в качестве структурной доминанты поэтического текста и отражая двоякое отношение человека к миру: рациональное и эмоциональное.

В ряду морфем, несущих эстетические функции в цветаевской поэтике, особенно значима роль префиксов. Во многих случаях приставка перестает быть только эле-

ментом слова и как бы получает автономию. В результате функционально-синтаксическое значение приставки становится наиболее важным, наиболее весомым семантическим центром. Например: *Четыре провинции обескровлено / И обезнадежено сто веков / Четыре Аравии обезноено / И обезжемчужено пять морей / Престол наследников обездомленных / Чужеземкою обезмуженный край!* («Взгляд»). Префикс **обес-/ обез-** можно считать усилительным, оказывающим воздействие и на значение корневой морфемы, и на созначение. По существующей модели по аналогии со словом *обескровлено* в значении ‘уничтожено’ автор создает окказионализмы, которые в синтагматических условиях приобретают высшую степень проявления признака: не просто уничтожено, а уничтожено масштабно. Кроме того, употребление приставок в пассивных конструкциях создает впечатление вселенской трагедии.

Такое же значение имеет префикс и в «Стихах о Москве»: *Настанет день – печальный, говорят! / Отцарствуют, оплачут, отгорят!* («Стихи о Москве»). Глагол *настанет* получает смысловое коннотативное усиление за счет нанизывания глаголов с префиксом **от-**. Объединенные синонимическим рядом, глаголы *отцарствуют, оплачут, отгорят*, воспринимаются как скандирование основного значения, вводя в психологическое состояние небытия, связанного с ощущениями смерти как ‘результат длительного действия’. Будущее совершенное, заключенное в префиксе, становится символическим выражением трагического конца.

Излюбленная цветаяская приставка **раз-** со значением ‘разъединения, уничтожения результатов действия’ появляется там, где развивается одна из основных тем ее лирики – тема разлуки. Своеобразная переключка одноструктурных слов в стихотворениях Марины Цветаевой имеет большое смысловое и эмоциональное назначение. Так рождаются следующие строки, в которых выражены боль одиночества, ни с чем не сравнимое горе разлуки с родиной, с близкими людьми: *Сверхбесмысленнейшее слово: / Рас-стаемся. – Одна из ста? // Просто слово в четыре слога, / За которыми пустота / Стой! По-сербски и по-кroatски, / Верно, Чехия в нас чудит? // Расставание. Расставаться... / Сверхъестественнейшая дичь!... Расставаться – ведь это врозь. // Мы же сросшиися...* («Поэма конца»). В одном только слове *расставаться* поэт видит бездну несправедливости и горя, страшную боль утраты. Для того, чтобы восстановить содержательную сущность этого слова, подчеркнуть ее, выразить и донести до читателя, Марина Цветаева обращается к графическому приему: приставка намеренно отрывается от слова (*расстаемся, рас-ставание*), тем самым как бы показывается авторское неприятие той части, которая и несет значение ‘утраты, разъеди-

нения' (в данных словах приставка **рас-** имеет коннотативное значение 'деление на части, разъединение, движение в разные стороны').

Усилительное значение этой приставки проявляется и в стихотворении, посвященном Борису Пастернаку: «Расстояния: версты, мили...». Поставленная в позиции актуально вынужденного акцентирования, она становится композиционно значимым структурным элементом стихотворения: *Рас–стояние: версты, мили.../ Нас рас–ставили, рас–садили, / Чтобы тихо себя вели, / По двум разным концам земли. // Рас–стояние: версты, дали.../ Нас расклеили, распаяли, / в две руки развели, распяв, / И не знали, что это – сплав / Вдохновенный и сухожилий.../ Не рассорили – рассорили, / Расслоили.../ Стена да ров. // Расселили нас, как орлов – / Заговорчиков: версты, дали... / Не расстроили – растеряли. // По трупам земных широт / Рассовали нас, как сирот. // Который уже – ну который – март?! / Разбили нас – как колоду карт!*

В данном стихотворении Л. В. Зубова, исследуя корневой повтор на словообразовательном уровне, лишь косвенно затрагивает роль приставок. Мы же рассматриваем приставки как средство создания коннотативных приращений. Приставка **раз-(рас-)** меняет семантику слов, внося сему насыщения над человеком и таким образом усиливает их экспрессию. Тема глубочайшей проницательности всего существа я-субъекта психологическим состоянием разлуки с любимым человеком подана в форме напряженной полемики с абстрактным оппонентом. Марина Цветаева, пользуясь нейтральными лексемами *расстояние, расставили, рассадили, расклеили, распаяли, развели, распяв, рассорили...и др.* наполняет их новым смысловым объемом: доминантное значение префикса **раз-(рас-)**, позволяет включить эти слова в ассоциативное поле насильственного, жесткого манипулирования человеческими судьбами, человеческими жизнями *разъединения (нигилизации)*. Реализация доминантного значения **рас(з)-** 'разъединение' множится более тонкими коннотативными оттенками: ассоциативное притягивание лексем *расклеить, распаять, развести* мотивировано следующим значением приставки – 'разъединение связанного ранее', *расставить, рассадить, расселить, рассорить* – 'в разные стороны', *расстроить, рассовать, разбить* – 'деление на части', *растерять* – 'уничтожение предмета', *рассорить* – 'разъединение под психологическим воздействием', *рассорить* – 'выбросить за ненужностью'. Глубокому проникновению в эмоционально насыщенную сущность человеческой трагедии, актуализированной в значении префикса **раз-**, способствует также намеренное вычленение его при употреблении слов *рас–стояние, рас–садили, рас–ставили* в тексте, линейные повторы, характеризующиеся эмоциональной пульсацией, скандированием: *расклеили, распаяли, раз-*

вели, **рассорили**, **расслоили**, **расселили**, а контрастная оппозиция отрицание/утверждение, выраженная омографами *не рассóрили – рассорíли*, эксплицирует причину тяжелого психологического состояния лирического героя.

В поэме «Крысолов», названной «лирической сатирой», приставка **пере-** (со значением чрезмерности) дает целый ряд окказиональных образований. Марина Цветаева использовала западноевропейскую средневековую легенду о том, как в 1284 году бродячий музыкант избавил немецкий город Гаммельн от нашествия крыс, толстосумы которого не способны были ни к какому активному действию. Приставка **пере-**, имеющая значение 'перенасыщенность действия', приобретает в результате синтагматического повтора коннотативное значение глупой чрезмерности, пресыщенности, пустого времяпрепровождения и становится средством создания иронии и даже сарказма: *Мера! Священный клич! / Пересмеялся – хныч! / Перегордился – в грязь!.. / ...Пересвечил – хлеб, / Перемонаршил – бунт... Переобедал, пересерёб, перепостился, перезлословил, переглядь...и др.* Данное значение, особенно ярко выраженное окказиональным тавтологическим сочетанием *пере-через-край*, превращается в символ того, что жители города Гаммельн не принимают, отрицают. Значение 'отрицания излишества, чрезмерности' подчеркивается и повтором немецкой фразы: *излишество вредит*. Отсутствие меры несовместимо с миром псевдопорядочных, умеренных, сытых буржуа, с миром слишком материальным, телесным: *В городе Гаммельне – ни души, но уж тела за это!* Автор поэмы подчеркивает абсурдность, низменные интересы, духовную пустоту жизни обывателей: *...Даже сходи с ума. В меру. / ...Не пере-через-край! / Даже и в мере знай Меру.* Созданию иронии в стихотворении помогает лексическое наполнение. Автор намеренно возлагает в содержательную структуру стихотворения слова, имеющие значение праздного времяпрепровождения, подчеркивая тем самым уровень «обывательщины», бессмысленности. Давая советы жителям города, автор использует каламбур: *Даже сходи с ума в меру; Даже и в мере знай меру* – тем самым, пародируя духовные особенности гаммельцев.

Особое место занимают морфемы, способные выразить трепетно-трогательное отношение к природе. Ярким примером использования форм превосходной степени в лирике Марины Цветаевой является стихотворение «На заре»: *На заре – **наимеленнейшая** кровь, / На заре – **найявственнейшая** тишь. // Дух от плоти косной берет развод / Птица клетке костной дает развод / Око зрит – невидимейшую даль, / Ухо пьет – неслыханнейшую мольвь.* Стихотворение отражает двойственную природу человека, которому присущи две ипостаси и два рода связи с миром: плоть и поверхност-

ный контакт с окружающим миром, душа человека и его восприятие мира. Автор восхищен, ощущения зависят не от плоти, а от внутреннего состояния души. Переход на глубинный уровень требует отказа и отчуждения от уровня внешнего, плотского и обыденного. Первая часть стихотворения и посвящена этому процессу. *Наймедленнейшая кровь* и *найявственнейшая тишь* символизируют процесс «усыпления» плоти, внешних органов чувств. Душа и плоть находятся в противоречии: «*Дух плоти косной берет развод*», происходит высвобождение духа: *Око зрит – невидимейшую даль, / Сердце зрит – невидимейшую связь... / Ухо пьет – неслыханнейшую молвь...* Использование форм превосходной степени позволяет автору подчеркнуть особенность описываемого явления: это состояние реализации глубинных потенциальных предельных возможностей человека, а может быть, и запредельных. Этой же цели служит и употребление оксюморона: *око зрит...невидимейшую, ухо пьет неслыханнейшую*. Таким образом, экспрессивный компонент коннотации в поэзии Марины Цветаевой проявляется на глубинном уровне ее поэтического мироощущения, поэт говорит о красоте окружающего мира, которую человек не всегда замечает.

Ярким примером коннотативного употребления префиксов является стихотворение «Полотерская», изобилующее префиксами: *на-, за-, вы-, по-*. Префикс *на-* содержит указание на значение тщательности, длительности, интенсивности совершаемого, но в условиях постоянной повторяемости он становится выражением иронии: как часто человек забывает о своем достоинстве, пресмыкаясь перед властью имущими: *наващиваем, нажариваем, намасливаем, накаливаем, наласниваем, наламываем* (на повторяемость действия указывает и суффикс *-ива(ыва)*). Аналогичное коннотативное значение выражает и префикс *вы-*: *вымахиваем, вытрясываем, вышаркиваем*. Приставка *по-* (*пошариваем, пошаливаем*) в синтагматическом ряду приобретает значение боязни, страха перед хозяином дома. Кроме того, используя прием паронимии (*пошариваем – пошаливаем*), автор пытается сравнить действия подхалимов с действиями полотеров. Это имплицитное сравнение обнаруживается в следующих строках: *вся кровь у нас в ногах* (что-то бессознательное). За счет градации слов с одинаковыми и синонимичными префиксами в стихотворении создается определенное психологическое состояние, которое трудно обозначить одним словом. Повтор глаголов, обозначающих не просто интенсивно совершаемые действия, а повторяющиеся, придает тексту особую монотонность, которая притупила сознания, чувства человека. Это оказывает гнетущее воздействие на читателя, создает особую «нервозность», даже «истеричность» текста. Однообразность производимых полотерами действий подчеркнута и

лексическими средствами: *Полотерское дело вредно: / Пляши, в пот себя вогнав! / Оттого и ликом бледны, / Что вся кровь у нас в ногах.* И как неизбежный взрыв звучат строки: *...Поспешайте, сержанты резвые! / Полотеры купца зарезали: / Получайте, чего не грезили: / Полотеры купца заездили.* Монотонность, многократность и интенсивность совершаемого действия оборачивается негативным результатом, неожиданным, с одной стороны (*чего не грезили*), но вполне закономерным – с другой. Показательно, что префикс *за-* в последнем слове стихотворения *заездили* имеет коннотативное значение ‘довести кого-либо до нежелательного состояния (негодности, утомления, истощаемости)’.

Там, где экспрессивность стихотворной речи связана с активизацией префикса, по-иному воспринимается семантическая структура слова. Лексико-грамматическое значение приставки в семантических новообразованиях начинает преобладать над значением всей основы в целом, создавая ряд эмоционально-экспрессивных коннотативных значений. Все это можно проследить и на примере суффиксов, которые также имеют коннотативную обозначенность.

Поэма «Переулочки» написана по мотивам известной былины «Добрыня и Маринка». Марина Цветаева переосмыслила фольклорный сюжет, сместив в нем акценты. В поэме Добрыня отсутствует вовсе, герой безымянен, абстрактен и пассивен. Героиня (тоже безымянная) не только одерживает победу над злом, но и обрисована совсем иной – с одной стороны, не только мудрой и сильной, с другой – грешной, то есть со всеми присущими человеку качествами. Она завораживает доброго молодца, *задушивает* его *звоньбой* и *урчбой*. *А не видел ли, млад, – не велю – што, / А не слышал ли, млад, – не знамо – што, / В белохрущатых громких платьицах / В переулочках тех Игнатьевских. // А звоньба-то отколь? – Запястьица! / А урчба-то отколь? – Заклятьице! / Попытай молодецка счастьяца / В переулочках тех Игнатьевских! / Две колдобины. Пень. // Разваленный плетень, / Без следочку – да в тень, / Всех окошечек – семь.// Пока дома сидишь – подумывай / А шестое пройдешь – послеживай: / А к бережочку рыбачка юная / В полглазочку косит: не клюнуло ль?*

Таким образом, женщина-колдунья (*в полглазочку косит* – признак косоглазия на Руси означает колдунью) – выступает главной силой жизни, а любовь понимается как наслаждение и в то же время как ловушка. Информативно насыщенные коннотативные семы суффиксов *-иц-, -очк-, -к-* в лексемах *платьица, переулочки, счастьяце, бережочек, в полглазочку, следочек, окошечко* создают настроение торжества молодости, игры, озорства, а суффикс *-б-* в лексемах *звоньба, урчба*, конфикс *по- + -ива-, -*

ыва- в лексемах *подумывай, послеживай* предостерегают; в лексемах *запьястьица, заклятьице* суффикс **-иц-** указывает на эмоциональную недоговоренность. Используемые Мариной Цветаевой коннотирующие морфемы предстают в качестве колоризаторов, придающих стихотворению оригинальность. Сочетание приемов разных планов (лексического и стилистического) с приемом скопления дериватов с коннотативно насыщенными морфемами создает напряженный, несколько изысканный стиль имитации фольклорного, слегка распевного сказа.

Продуктивными являются словообразовательные типы существительных с коннотатирующим суффиксом **-ость-** с отвлеченным значением признака, свойства. Коннотат активно образует окказиональные существительные: *бритость, питость, побитость, глухонемость, тихость, ангельскость, сухостями, слепостями, тусклостями* и др., которые ярче раскрывают дополнительные значения только в сочетаниях: *А еще, несмотря на бритость, / Сытость, питость (могнущ – и трачу!), / За какую-то – вдруг – побитость, За какой-то их взгляд собачий...* («Хвала богатым»); *Два близнеца – неразрывно-слитых: / Голод голодных – и сытость сытых!* («Если душа родилась крылатой») и др. Синтаксическая деривация обуславливает не только новое синтаксическое значение, но в условиях неожиданных присоединений (*сухостями теку* и др.) возникает глубокий подтекст: *Сухостями теку / Тусклостями: уцербленных жил / Скупостями, молодых сивилл / Слепостями, головных истом / Седостями: свинцом* («Земные приметы»). В данном случае коннотативной выступает и форма множественного числа, способствующая приращению дополнительных смыслов – перенасыщенность жизненных неудач, которых так много в жизни лирической героини. Поэт стремится придать весомость и самостоятельность концептуально и эстетически значимым признакам или свойствам описываемых явлений.

В стихотворении «Читатели газет» многократно используется суффикс **-тель-** (со значением действующего лица), который усиливает коннотативную выразительность слова. В ряду этих повторений есть и окказиональные образования (*хвататели, жеватели, чесатели*), которые в общей композиции стихотворения воспринимаются благодаря суффиксу как разговорные, более того – ироничные. Автор издевается над людьми, которые за внешним благополучием газетной информации не видят, или не хотят видеть сильнейшую идеологическую ложь: *...О, с чем на Страшный суд / Предстанете: на свет! // Хвататели минут, / Читатели газет! // ...Стою перед лицом / – Пустее места – нет! – / Так значит **нелицом** / Редактором газет- / ной нечисти.* Кроме того, смыслообразующим элементом выступает и графическое средство – перенос сло-

ва, усиливающий значение обращения.

Суффикс *-аст-* характеризуется коннотацией восторга: он усиливает и денотат, и отношение говорящего к денотату. Подобные слова по своему характеру приближаются к разряду оценочной лексики: *Монистами сбруями... / (Гривастых теней / Монистами! Сбруями / Пропавших коней...)*(«Ручьи»); – *«Европа, глядишь? / Так льды у нас колются!» / Щекастый малыш, / Спеленатый – полюсом!* («Челюскинцы»). Автор восхищается их подвигом, в этом стихотворении нет сарказма.

Для поэзии Марины Цветаевой характерны и уменьшительные суффиксы: *-ик-, -ок-*, которые приобретают оттенки горечи, и даже жизненной трагедии: *...В какой обратился треклятый ад, / Мой глупый грешок грошовый!* («О нет, не узнает никто из вас...»); игривости: *И уж любит он, сухарик, / Чтобы светло, как на Пасху: / Нынче месяц нам фонарик, / Завтра звезды нам лампадка* («Нет, с тобой, дружочек чудный...»); бедности, нищеты: *Да и в полдень нехорси – пригород: / Тарахтят по мостовой – дрожки, / просит нищий грошик, / Да ребята гоняют кошку...* («На крыльцо выхожу – слушаю»).

Таким образом, рассматривая вопрос об эстетической функции морфем в поэзии Марины Цветаевой, можно с полным правом утверждать, что словообразовательная выразительность – это один из элементов словообразования в идиостиле писателя. Анализ поэтических текстов Марины Цветаевой раскрывает многомерность семантической ассоциации констатирующей морфемы, содержательная структура которой состоит из эмотивно-оценочного, экспрессивного и стилистического компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

Харджиер Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. – М.: Искусство, 1970. – 328 с.

SUMMARY

The article is dedicated to analysis of connotative prefixes and suffixes, that take part in the creation of expression the most actively and are the aesthetic important in the poetic texts of M. Tsvetaeva.